

Купание белого меня

Независимая газ. - 2001 - 21 мая - с.8

Завершен обмен Мариинского и Большого театров

Юлия Бедерова

Шорох

Кульминация обменных гастролей Большого и Мариинского театров под эгидой Золотой маски. Случилась вообще не там, где ждали. Не в Питере на «чудо-Басков» в архангельском «Онегине». И не при взгляде на любимую Гергиевым выпущенную постановку прокофьевского «Семени Котю» двухлетней давности, которую в Москве до этих пор не видели, но которая получила море «Золотых масок», собрав превосходную прессу во время прошлых лондонских гастролей театра, и запись которой номинировалась на «Грэмми».

Пром грянул бонусом – перед началом оперного сета Мариинки на пресс-конференции Гергиева, где он неожиданно выступил с претензиями в адрес министра культуры Михаила Швыдкого. Собственно, maestro говорил, как всегда, вдохновенно, антиевато и обо всем на свете. Про падение нефтяных котировок и что фракции Эрменеджильдо Зеня хороши необыкновенно. Что последние лондонские гастроли с вернейским репертуаром хороши-то как раз не были, а Большой театр не так уж плох, как его малюют. И что к питерскому маэстро и его театру внимательно относятся такие люди, как Владимир Путин (зачем-то назывались также Степашин и Примаков).

На собрании говорились страшные вещи, вроде: «По какому праву новый главный дирижер решает, кому петь?» Или: «По какому праву отел репертуарного планирования реплет, что играть?» Или: «Кто и по какому праву не поставил меня на спектакль в ноябре?». Так и вую: прихожу к своему главному редактору и говорю: «По какому пра-

вилью не отмечена особая страсть кумом и провозвучет неприятно, несмотря даже на то что упитательно сытны (хотя местах более хвост, чем возможно) и хорошо спела (Котю – Виктор Луцкий, Софья – Татьяна Павловская, Тихомир – Геннадий Безубеков и маторос – Виктор Черноморцев очаровательны актерски и убедительны

даже – и там дагы. У Прокофьева божественная, у Александрова – нет. Он действительно не делался, что «Котю» – просто огромный классический опер. Но в ее структуре столь изысканный набор крытых зеркал, что этого тоже нигде не делят. Понск концепции проблематичен. Александров изворотил бытовых смыслов и символически диалогов, но фантазировал. Публику раздражается, она хочет всяких положений. Здесь же адекват была бы безупречная красота пуганых. Яность положений – в другом месте. В кулуарах Большого театра, например, очень трепетно.

Пока в Большом – движения, у Мариинки – стат

мужья меня. – ну и дальше в том же роде. Очевидно, «старые большевики» надеются выгодно не заметить новой жизни. Очевидно также, что структура управления, субординация в театре именуется читается культурой. На деле кудрявой была старая система, когда замка признавал реальные решения. Новые схемы и люди замыкают ярость и нежность. Старые требуют «художества», юные в виду наделить высокой властью представителей себя. Иксиков на собраниях молчал, но Александр Ворошило выступил с поддержкой идеи художественно-экономического совета.

Всех к тому, что смысл гергиевской пасторки кроме престола в том, что от Минкульта просто требуется быстрое изменение структуры управления и, возможно, не мудрить.

вокально). Сцена с мной (привет Платонову), сестра, сестра и молот как жутко движущийся храм (разве что главный блокшаман никто не врещет), красноречивый-хулиганович, купание в пеллофановом озере, как дурной сон, мушкетерские гайдамаки, неизвестно чья бабка (сценариста Семени Пастуша) и жутковато вывороточная режиссерская концепция кинотуполия – вылазят не только сознание, но и улыбки. Социальные привязанности к западной моде на антигитлеристские смысловые транспаранты, и к местному любовному перестрелочному лафосу. Но соображения о том, что раз музыка тапалана (а она тапалана, фантазматическая, волшебная, смелая и страшная), то ставить надо априори, реалистично, – сомнительны гораздо больше.

Майя Крылова

И из области балета. Кое-что

Питерские критики с удовольствием сравнивают московский балет с «размалеванным дубком» и с Михалковым. Теперь могут сравнить с теми же объектами исполнение Балончини в Мариинке. Здесь танцуют ослепяюще давно – и относятся к ним как к повседневной рутине. Балет сам по себе замечательный: солисты, в хордебалет – словно стайка потрескавшихся ангелов. Но от повального «мистера Бит» – с его системой жестких фиксированных поз, несквозь пронизывающих стремительный танец – у маринских танцовщиц сохранилась лишь стремительность. Остальное растворилось в легкой

В Мариинке восточнотатарского «Чайковского» вступают танцовщицы.

фото: ИТАР-ТАСС

Швыдкой же получил от Гергиева за Святослава (что не удержал), за Рудневского (что вообще лопал, поскольку тот прекратил мастер, но стретет и тактике – вышлый) и, главное, за бюджетные нехватки на проблема реконструкции Мариинского театра, в то время как за Большим театром пришло теперь и место. Собственно, все Швыдкой да маринские гастроли в Большой ходил, но был, как показалось, немного ирачен. Рассчитывать все это как скандал было бы странно. Нормальная публика полемизма. Ни Гергиев, ни Швыдкой публицистически не бегали. Гергиев полагает, что, создав желанную репутацию театру, заслужил поддержку. Швыдкой, думается, вовсе Гергиева представляет себе все про падение цен на нефть. Что до прошлого, за ним сейчас нужна глаз да глаз, поскольку у театра – явный пубертет со старыми склонностями к герпетифилии. Не начала работать новая, образованная и грамотная команда во главе с Анжеликой Иксиковой, выходящая европеизированной, собирается не чисто изысканная, репертуарная и изысканная политика. И теперь здесь наиболее адекватной могла бы быть позиция Мюссолути «не навреди».

Недавно, например, один из двух профитов театра собрал премьеренце в присутствии Иксикова и Александра Ворошило для давала. Сопутствующим театры выступили в упитательном жанре «доколе» и симультанном танце как президеи уживчивости сего мэтрства, противоречивости КЗЮТ, так и новое, которое ждет принятия нового КЗЮТ и будет приводить контракты в соответствие. Впрочем, и оно «старым большевикам» может не понравиться. В Большом – 2600 человек штата, и он непременно будет сокращаться.

И звуки

Пока в Большом – движения, у Мариинки – стат, репертуар и труппа. Финал обмена экспрессивно, мастерски и политически тенденциозно выделен Гергиев. Таким примером образом, что если кто считает его театр европейским, а Большой – пусть недовольным, но «национальным достоянием», то вот вам русский классик П. И. Чайковский от Мариинки во всех главах-видах и титрах-портретах.

Сцена из поставленной Талибиным изысканшей (впрочем, здесь этого никто не увидел, исполнение было концертным) «Пиковой дамы». С тщательно и адекватно змегающим, как гергиевские фракции, локальным ансамблем (Геннадий Безубеков, Василий Герелло, раскрасневшая «прима» – Виктор Луцкий). Целый акт традиционной постановки «Мазепы» с Виктором Черноморцевым, который смотрит качествами ханьем, убедительным своим характером и весом, и придающим бранду Мариинки много могущества. В середине – лазоревая «Сцена» Балончини и его же Па-де-де «Tchaikovsky». Весь Чайковский от Мариинского театра – совершенной красоты, сияющий оркестром, без грубости, не без помпезностей и с разными блоками.

Стратегические движения питерского худрука по своему языку и ценны, но главный сюжет проекта – маринская версия «Семени Котю». Первая «советская» опера Прокофьева, сочиненная в конце 30-х по повести Катаева «Я сын трудового народа» и потому путаршая, Москву не объяла. Билеты продавались вяло. Падения консервативной Москвы ищ перерождения питерскими концепциями не произошло.

Прокофьев делает оглядело александровский театр на молду, даже там, где стей бродят трудовые сыновья. Он монтирует каллиграфический, сарказм и строгую лирику, крепко феноменальные ансамбли (Гергиев справляется с ними блестяще) так, что по залу расползается шепот о невероятном изобретении: «Экзотизм! Эпизодизм!» А кучерявый, с эстетическими и концептуальными вывороточными постановками Юрия Александрова довольно закончившийся образом не противоречит прокофьевской музыкальной фантазматике. Здесь

связности российского балетного исполнения. И Жанна Ахлюнова, и Майя Думченок и Софья Угуморова танцевали с полнотой царственной (по масштабу) стилистической привлекательностью. Давно Вишнева периодически замещала стала коллективом. Впрочем, публике, как всегда, больше интересовать трюки, и когда Игорь Зеленский мощно шагнул вперед, аплодисменты звучали восторженно. При желании можно победу рапортовать: маринский балет, как всегда, имел успех. Вот только каково